

Н.Д. Чекулаев

ФЕОДАЛЬНАЯ МЕЖДОУСОБИЦА В ТАРКОВСКОМ ШАМХАЛЬСТВЕ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII в.

В первой четверти XVIII в. после смерти Будаи-шамхала в Тарковском шамхальстве разгорелась ожесточенная междоусобная борьба за шамхальский престол, продолжавшаяся более десяти лет и вконец ослабившая власть кумыкских шамхалов. Власть попеременно переходила из одних рук в другие. Сразу после смерти Будаи шамхалом стал Адиль-Гирей, очевидно его сын (*Алиев К.*, 2006. С. 104).

О причинах этих событий сохранились лишь скудные и неясные свидетельства. Тарковское шамхальство было одним из важнейших феодальных образований в Дагестане во второй половине XVII – начале XVIII в. Его экономическое значение для региона обуславливалось наличием основной площади обрабатываемых земель, вод для орошения, пастбищ, лесов и рыболовных угодий, соляных источников, полезных ископаемых (нефть, строительный материал), важных транспортных путей, связывавших Северный Кавказ, Астрахань с Закавказьем, Ираном и Индией. Развитое сельское хозяйство и кустарные промыслы, оживленная торговля, в том числе международная, обеспечивали шамхальству и его населению относительно высокий уровень материального благосостояния. Успехи в развитии экономики обуславливали в свою очередь развитие культуры, внешнеполитической деятельности. Все это придавало шамхальству большой вес в экономической, культурной и политической жизни Дагестана, Северного Кавказа. Шамхал тарковский официально признавался внутри региона и вне его (Турция, Иран и Россия) «валием» (т.е. правителем) Дагестана. По его влиянию на народы Дагестана с ним мог соперничать только ведущий духовный деятель региона – акушинский кадий. Без подписей этих двух лидеров региона считались недействительными любые договоры дагестанских владетелей с внешним миром. Постепенно шамхальство Тарковское все более сближалось с Россией (*Гусенов М.У.*, 1996. С. 21–22).

За власть в Тарках разгорелась ожесточенная борьба между шамхалом Тарковским Адиль-Гиреем, с одной стороны, и его братом Муртазали и Умалат-шамхалом, с другой, в которую включилось несколько разных партий (протурецкая, пророссийская и проиранская) внешнеполитических ориентаций (*Алиев К.*, 2006. С. 104). Последние пользовались поддержкой персидского шаха (*Гусенов М.У.*, 1996. С. 22).

Шамхалами одновременно называли себя правители Бамматулинского владения – шамхалы из Казанища, в Буйнаке – Муртазали, в Эндирее – Чопан. Каждый из них находился во вражде друг с другом, каждый претендовал на правление в Тарках и владение чужими земельными богатствами. В феодальной междоусобице особенно выделялся Умалат-шамхал из Казанища. Об этом красноречиво говорит заявление дербентского султана А.И. Лопухину, русскому посланнику из Шемахи в Москву: «На вопрос А.И. Лопухина, может ли он без опасения добраться в Тарки, султан дербентский заявил, что «он боится только как бы над вами в горах шавкаловых худо не сделали, потому что у них промежду собой у Умалат-шавкала с уцмием есть ссора и уцмий он владетель людный, к тому же

Адиль-Гирей тарковский владелец с уцмием в дружбе и оба против Умалат-шавкала воюют».

А.И. Лопухин со своими людьми при следовании из Дербента в Тарки пострадал, однако не столько от Умалат-шамхала, сколько от Муртозали-шамхала. Когда он обратился по этому поводу с жалобой к Адиль-Гирею, правитель Тарков заявил: «Ежели государь мне изволит прислать людей несколько сот, то я их всех разорю и шевкала из Казанища выбью вон и тогда будут все горские люди нас бояться, что никто не будет противиться».

Обострение взаимоотношений были у Умалата казанищенского не только с уцмием и шамхалом, но и с владельцем Буйнака. Тот же А. И. Лопухин доносил в Москву, что «Умалат шевкал имеет великую злобу на Муртозали» (Цит. по: *Магомедов Р.М.*, 1947. С. 92–93).

Прежде всего продолжал бороться за шамхальство Адиль-Гирей, имевший весьма честолюбивые устремления. Он обращался за поддержкой к Петру I, который удовлетворил его просьбу. Адиль-Гирей Тарковский, трезво оценив положение Дагестана и складывавшуюся на Кавказе в начале XVIII в. сложную международную обстановку, обратился в 1717 г. к Петру I с предложением заключить договор «о дружбе и союзе» («в дружбе и союзе быть, а с неприятелями... противиться от сердца...») (*Алиев К.*, 2006. С. 104, 106). Адиль-Гирей писал в 1717 г.: «Я, прибегая к Вашему милосердию, низжайше, всепокорнейше прошу, чтоб и великим своим указом повелели астраханскому и терскому управителям в нуждах наших, как в военные, так и в других случаях помогать...». В этом же письме князь Адиль-Гирей сообщал, что он от иранского шаха «отложился и к Вам российскому Государю поддался и службу принял». Петр I такой указ издал. В нем говорилось: «Тебе, Адиль-Гирей, под оборону нашу и подданство принимаем, ради чего даны указания нашим губернатору астраханскому и коменданту терскому защищать, и в случае нужды и помогать» (*Гусенов М.У.*, 1996. С. 22).

Процесс феодальной раздробленности Кумыкии, развернувшийся в XVIII в. продолжался до присоединения её к России в начале XIX в. Обособленные друг от друг бийлики враждовали между собой. Шамхал тарковский Адиль-Гирей писал Петру I о враждебности к нему кумыкских владетелей, а те в письмах царю говорили о том, что Адиль-Гирей был подданным турецкого султана и персидского шаха и придерживался их ориентации (*Гусенов М.У.*, 1996. С. 23).

В 1718 г. Адиль-Гирей снарядил к Петру I специальное посольство во главе со своим родственником, князем Маматом Алыпкачевым, которое вернулось с грамотой Петра I. В ней царь сообщал, что берет Адиль-Гирея «под оборону» и принимает в свое подданство (*Алиев К.*, 2006. С. 104).

Таким образом, в 1718 г. шамхал Адиль-Гирей, сын Муртозали, вступает в подданство России (Шамхалы... 1868. Вып. 1. С. 59).

В 1717–1719 гг. власть в шамхальстве на короткое время удается захватить и удерживать Умалату, сыну Алхаса, сына Бий-Баммата, владельца кафыркумукского (*Алиев К.*, 2006. С. 104). В донесении Петру I шамхал Адиль-Гирей пишет: «Умалат на меня восстал, которого по счастью вашего величества я изгнал с столичного шамхальского места Тарков» (Цит. по кн.: *Магомедов Р.М.*, 1947. С. 92–93). Свои виды на шамхальство вынашивал и брат покойного Будай-шамхала и Чопан-шамхал.

20 апреля 1719 г. астраханский губернатор А.П. Волынский доносил в Коллегию иностранных дел: «Кумыкский народ, хотя и под персидскою протекцией,

однако ж, надеются, если приложить труд, то будет доброжелательное к нам, а между их народом силу имеет владетель Тарковский Адиль-Гирей... Если изволите его удовольствовать и дать ему для охранения Тарков одну роту солдат, о чем он сам просит, также и жалованье ему денежного и хлебного прибавить» (*Гусенов М.У.*, 1996. С. 139). Просьба Волынского была удовлетворена – из Терков к шамхалу отправили команду: 15 солдат и 3 пушки (Выписка из доношения кумыцкого... Л. 157).

В 1719 г. удача вновь улыбается Адиль-Гирею. Он изгоняет из Тарков Умалат-шамхала из Эндирея Чопан-шамхала и «брата своего родного большого Муртозали (Уллу Муртозали. – Авт.), державшихся партии персидского шаха». По этой причине Муртозали и Умалат-шамхал оказались в Эндирее в изгнании, а Адиль-Гирей, хотя и не шамхалом, воссел в Тарках «живя князем и владея над всеми кумыками» (*Алиев К.*, 2006. С. 104).

Эндиреевские владетели поставили в известность Петра I, что они не согласны с тем, что шамхалом тарковским стал Адиль-Гирей. Об этом писал князь Чопан-шамхал эндиреевский князю Бековичу Черкасскому 25 ноября 1719 г.: «Шамхал преставился, то кизилбаш (т.е. шах Ирана) Адиль-Гирея шамхалом сделал и мы сему «не контенты» (в переводе с английского – недовольны – Авт.) (*Гаджиев В.Г.*, 1979. С. 91). При этом каждый из претендентов обращался к русским властям, обвинял своих недругов в измене России. Шамхал тарковский Адиль-Гирей писал Петру I о враждебности к нему кумыкских владетелей, а те в письмах царю говорили о том, что Адиль-Гирей был подданным турецкого султана и персидского шаха и придерживался их ориентации (*Гусенов М.У.*, 1996. С. 23). Об этом, в частности, свидетельствует письмо Адиль-Гирея, с которым он обратился в 1717 г. к Петру I. В нем Адиль-Гирей старался убедить императора, что его противники эндиреевский Мулхат и «Чобан-шевкал» являются также врагами России. Этого же вопроса шамхал касался и в своем донесении Петру I от 20 апреля 1719 г. Здесь он уже прямо пишет, что «выгнал из Тарков Молата-шамхала, из Эндиреевой деревни князя Чобан-шамхала, и брата своего родного большого Муртозали, которые держали партии персидского шаха» (*Гаджиев В. Г.*, 1979. С. 91.).

Аналогичные сведения об эндиреевских владетелях доносил Петру I и другой владетель – Султан-Махмуд Аксаевский на Чопан-бея и Мусал-бея в своем письме от 6 августа 1722 г., в котором Султан-Махмуд сообщает о междоусобицах среди кумыкских феодальных владетелей: «Отец наш Али бек имел ссору с отцом Чопан-шамхала ханом, чего для путь воспринял намерениям, что б припасть к ногам вашего императорского величества и милосердия и вспоможения требовать, которую получа, паки в свои юрты возвратился и неприятелю своею хана Чопана шамхала отца убил, сына его Чопан-шамхала из юрт выбил, но понеже, он был тогда млад, то сожалая об нем, паки онаго в юрты свои посадил с которого числа и поныне жил он в Андреевой деревне, а отец наш пришед на Аксае жил, где и преставился, а мы с того числа и до днесь вашего императорского величества низжайшими рабами пребывали и по силе своей всемилостивейшему вашему императорскому величеству денно и ночью служили.

Дядя наш Муртузали принял было некоторых изменников казаков, мы же все братья собравшись и держав о том совет дяде нашему, Муртузалею, чтоб он пришлых изменников и противных казаков при себе не держал, но поймав их вам великому государю отдал бы, однако ж он отдал и того для мы его братом не признаем и о том оному объявили, ибо кто вашему величеству противен и нам противник.

И собрав мы войско против оных изменников пошли и побив их взяли и тогда Адиль-Гирей Камбулатов был же при том еще ж были тут Гузеев сын Борис Корентов, Дмитрий Галачаров и Жазарский и с ними, убив до смерти некоторую часть оных изменников, а прочих поймали и с Адиль-Гиреем Камбулатовым к вашему величеству отправили, а дядю своего за то в горы прогнали и без дому и владения его сделали и в оных горах он потом умер.

И уведомясь мы, тако ж что Чопан-шамхал, принял к себе некоторых противников-казаков, вышли и часть оных убив, а других поймав терскому управителю вручили. Когда Чопан-шамхал с изменником салтаном пришли город Терек разорять, тогда мы были в черкасах, а ежели б мы тогда дома случились, то мы по своей силе вам великому государю послужили б, однако ж для того, что Чопан-шамхал с своими ногайцами, подданным российским разорение или обиду чинил, того ради мы, вместе с терскими казаками и с черкесами пять аулов у него отбили, а его Чопан-шамхала прогнали.

Також когда оной Чопан-шамхал с изменником Салтаном Терек разорили и ваши государевы две пушки взяли, мы ...

В вышереченных службах и Хамза с нами был и по Хамзиной смерти Чопан-шамхал вошел, паки в Андрееву деревню и хотя я, Султан Махмуд, с оным и дрался, однако ж его победить не мог и для того призывал терских казаков на помощь против Чопан-шамхала – противника вашего величества, и хотя я обещал было им триста быков и со всякого двора по две гривы и за его я их казаков сына своего Али бея в Аманаты и отдела, однако ж они взяв у меня тех быков и деньги, сына моего возвратили, а сами не пошли, а Чопана шамхала я паки выгнал же и такие мои службы были для того, что б они города ваши зобеспокаивали и может быть, что оные ж мои службы вам великому государю иногда известны были.

Хотя казаки Андреевцев неприятельми признавают, однако ж трижды моих кочевых ногайцев разоряли и в полон брали и хотя я им предъявил, что есмь ваш великого государя раб и в чем меня виноватым признают, но они моих слов не послушали...» (Просительное письмо-перевод... Л. 211–214).

В 1717 г. в своем письме Петру I кумыкский шамхал Адиль-Гирей (а позднее аксайский владетель Султан-Махмуд в вышеназванном своем письме от 6 августа 1722 г.) сообщает: «...а с неприятельми вашими противися от сердца желаю, и которые казаки вам изменили и непослушны были и в рубежах наших при Эндиреевском Мулхате, бывшего хана сына, да Чупан-шамхале приезжая, были в охранении ево, и я уведомясь о измене их, что они вам противники, собрався с войском своим из оных 34 человек поймав, 4 человек до услуг ваших послал обретающемуся под державою вашею терскому князю, а остальные всех умертвил, того ради помянутой Мулхат и Чупан-шамхал к кызылбашскому шаху на меня писали и объявили ему, что я от него, шаха, отложился и к вам, российскому государю, поддался и службу принял и их учинился, противен и он, шах озлобясь на меня прежде бывшее нам старинное жалованье которого давано мне по 2000 тумень теврских денег отнял и давать нам не велел...» (Письмо Петру I кумыкского шамхала Адиль-Гирея... С. 226). Позже он сообщил о Чопан-шамхале такие же сведения.

Известно, что еще в конце XVII в. после подавления народных движений в России тысячи русских людей, спасаясь от казней, устремлялись на Северный Кавказ, в том числе и на берега Терека и Сулака. Здесь они создавали целые городки и опорные базы антицарского движения. Некоторые известные «разбойни-

чьи» атаманы, такие как Костька Иванов и другие, действовали среди чеченцев и кумыков в начале XVIII в. В отместку на казаков-бунтовщиков и раскольников-еретиков и их союзников горцев совершались карательные экспедиции. В 1700 г. было принято решение послать войско на Муртозали и «воровских» казаков.

Совместными усилиями царских войск и феодальных соперников Муртозали повстанческим силам был нанесен серьезный удар. Полковник Бушев с гребенскими казаками захватил атамана Костьку «с немалым числом его артели» в укрепленном городке близ Сулака и отправил его в Астрахань, где он был казнен. С другой стороны, шамхал Адиль-Гирей с Султан-Махмудом аксаевским двинулись на Муртозали, отказавшегося выдать казаков, находившихся непосредственно при нем, и разбили его, часть русских беглых погибла в бою, другие попали в плен и были отправлены в Терки. Так как русские беглые люди находились и во владении другого кумыкского владельца – Чопан-шамхала, то он тоже был разбит. Имелись данные, что Муртозали и Чопан-шамхал были изгнаны из своих «юртов» и скрывались в горах (Ахмедов Я.З., 2001. С. 315, 362).

Российские власти имели об эндириевских владельцах самые отрицательные сведения из переписки с шамхалом Адиль-Гиреем, сам Адиль-Гирей не скрывал, что хочет посадить своего сына Хасбулата владельцем Ауха, который с XVI в. был под контролем эндириевских князей (Магомедов Р.М., 1999. Кн. 2. С. 67).

А.П. Волынский доносил 2 сентября 1721 г., что эндириевский владелец мущал Чапалов приезжал к нему в Астрахань с тем намерением, чтобы стать управителем Терского города, но он отказал ему в удовлетворении его требования. Далее А.П. Волынский сообщает в Коллегию иностранных дел: «...А что в указе Его Царского Величества упомянуто, чтоб мне об оных эндириевских владельцах разведать, можно ли от них уповать какой пользы интересу Его Царского Величества, однако же, я ничего не могу уповать и содержать разве для того, чтоб не были на той стороне и обще не чинили бы с противными Терку и гребенским казакам пакости. А польза или обороны никогда никакой не будет» (Из доношения астраханского губернатора Волынского... Л. 134–135).

Междоусобная борьба закончилась победой Адиль-Гирея Тарковского. 23 января 1721 г. в своем письме к канцлеру графу Г.И. Головкину он писал: «Доношу вам великому государю понеже я рабов ваших раб получил шамхальство горское щастие вашего великого государя и напредь сего о чем я просил у вас великого государя, то все получили и ненавидящие мои противники, видя от вас великого государя ко мне показанную милость, в большую ненависть впали и стали домогаться всякими худыми делами обносить, того ради прошу вас великого государя дабы таким моим противникам и их доношениям без подлинного изъяснения не верить» (Четыре прошения кумыкского шамхала... 1958. С. 239).

Данный документ красноречиво свидетельствует, что Адиль-Гирей, используя сложившуюся ситуацию в Кумыки, своими интригами сумел не только победить своих соперников в борьбе за Тарковское шамхальство, но и приложил все усилия, чтобы у Петра I сложилось отрицательное мнение об эндириевских владельцах. Таким образом, можно утверждать, что он виноват в эндириевском инциденте.

Вслед за шамхалом и Султан-Махмудом аксайским к России с просьбой о вступлении в российское подданство обратились эндириевские владельцы. В своем письме к Петру I от 24 апреля 1720 г. эндириевские владельцы заявили о готовности быть на русской службе. Свою просьбу они повторили в своем письме от 24 февраля 1721 г. В результате чего эндириевские владельцы были приняты в

русское подданство (*Гаджиев В.Г.*, 1964. С. 233).

Эндиреевские владельцы, формально признававшие свою независимость от русского царя, в то же время по-прежнему мотивировали свое недовольство дискриминационными мерами администрации города Терки по отношению к торгующим горцам и т. д. Поэтому вооруженные отряды горцев продолжали постоянно нападать на гребенские городки и Терки (*Ахмадов Ш. Б.*, 2002. С. 351).

Русское Прикаспье (Гребни, Терки) страдало от набегов ногайцев и кумыков, номинально состоявших в персидском подданстве. В ноябре 1720 г. эндиреевские владельцы Айдемир-Амзин и Чопан-шамхал против Терков и Гребней «явную войну начали», в результате которой с ноября 1720 г. по май 1721 г. русские потеряли убитыми, ранеными и взятыми в плен 139 человек. Кроме того, были взяты в плен 950 кибиток (свыше 3000 человек) «иноверцев» и 30 дворов терских татар; количество отогнанного скота составляло 2000 голов.

По распоряжению астраханского губернатора против эндиреевских владельцев были посланы терские и донские казаки, которые осенью 1721 г. произвели рейды к рекам Аграхань и Аксай, причинив противнику потери в 110 человек и отогнав у него свыше 5000 голов скота.

Нападения кумыкских владельцев и связанный с этим увод в рабство русского населения приобретали столь большое значение, что посланник Волынский был вынужден поставить перед персидским правительством вопрос о наказании и возвращении русских невольников (*Лыццов В. П.*, 1951. С. 98–99, 112).

Эндирей, по словам астраханского губернатора А.П. Волынского, являлся «яко гнездо разбойническое, от которого претерпевали всегдашнее нападение, как и окрестной страны, жители, так и все проезжающие». Вот как об этом сообщает И.Г. Гербер: «Великая сия деревня лежит в Дагистане между реками Сулаком и Аксаем, промеж гор и лесов, к которой и другие около лежащие малые деревни принадлежат. Она, обогатившись грабительством и укрепившись на твердом от природы месте, так страшною учинилась через свои набеги, что не только соседи ее не смели выгонять скот на пастьбу, но больше гребенских казаков и терских жителей через покражу лошадей и скотины обижали, но и ходящие из Астрахани в Шемаху купеческие караваны часто от жителей оных были разбиваемы и разграбляемы, и все проезжие дороги опасными от них учинились, что происходило до самого при сем случае, деревни сей разорение, и купцы были принуждены торг сухим путем оставить» (*Голиков И.И.*, 1838. Т. 9. С. 14).

Население Эндирея «состояло из помеси разных соседних инородцев», в том числе были и русские казаки, бежавшие сюда после неудачи Булавинского бунта, чеченцы (*Омаров А.И.*, 2004. С. 57).

В отличие от Турции и Ирана, стремившихся разжечь национальную вражду и натравить кавказские народы друг на друга, Россия, укрепляя свои связи с Дагестаном и Кабардой, одновременно принимала меры, направленные на то, чтобы они жили в мире и согласии. Например, русское правительство требовало от дагестанских владельцев не допускать никаких нападений на Кабарду, «дабы никакой противности и никаких нападений братьям нашим [т. е. кабардинцам] не чинили» (*Мальбахов Б.К., Дзамихов К.Ф.*, 1996. С. 85–86).

Но несмотря на это, эндиреевские владельцы, занятые распрями с кабардинскими князьями, поставили себя в натянутые отношения с Россией. Так, 23 февраля 1714 г. канцлер Г.И. Головин в своем письме к князю А.Б. Черкасскому уведомляет, что царь направляет своего посланца к кумыкскому и эндиреевскому

владельцам с требованием не производить нападения на кабардинцев (*Сотавов Н.-П.А.*, 2000. С. 64).

Следует учитывать и то, что эндириевские феодалы придерживались протурецкой ориентации, которая усилилась в связи с высадкой в июле 1722 г. армии Петра I в Дагестане, означившей начало Персидского похода российского императора. Возросла активность Турции, которая предприняла меры, чтобы противостоять устремлениям Петра I на Кавказе. Подкупом местных владетелей Турция стремилась не допустить русские войска на территорию Дагестана, да и сами эндириевские владетели не хотели мириться с господством России в Северной Кумыкии. Кроме того, одной из причин того, что эндириевский владетель Айдемир оказал сопротивление армии Петра I, были беспрестанные разбои и нападения в 1721 г. на Терки и ожидание, что русские будут мстить (*Чекулаев Н.Д.*, 2004. С. 63–64).

Выступление рядовых эндириевцев против многотысячной регулярной российской армии было актом людей сильной воли, не пожелавших потерять свою независимость и подчиниться русскому царю (*Магомедов Р.М., Магомедов А.Р.*, 1994. С. 209).

Эндириевцы ждали подхода российских войск и соответственно готовились к обороне: жители Эндирея, где насчитывалось тогда до 3 тысяч дворов, и соседних чеченских сел отослали семьи и имущество свое в горы, а в самом Эндирее сделали засеки по улицам и окрестным проходам (*Ахмадов Ш.Б.*, 2002. С. 352).

Военные действия начались в июле 1722 г. Конный корпус под командованием бригадира И.О. Ветерани имел задачу атаковать и взять Эндирей, «отомстив за многие набеги причиненные русским подданным», выйти к устью р. Аграхани и оборудовать небольшие «пристани» на берегу Аграханского залива, куда из Астрахани должна была прийти Каспийская флотилия для высадки пехоты. Замысел Петра I состоял в том, чтобы кавалерия пришла к Аграханскому заливу раньше прибытия пехоты и обеспечила высадку десанта устройством пристаней и прикрытием от возможного нападения противника (*Лысцов В.П.*, 1951. С. 120–121).

Переправа через Сулак находилась в те времена лишь в 30 верстах от Эндирея, к ней двинулся драгунский отряд под командованием бригадира И.О. Ветерани, остальная конница под командованием подполковника П. Наумова шла другим маршрутом, видимо, к устью Сулака (*Магомедов Р.М.*, 1999. Кн. 2. С. 67). Бригадир И.О. Ветерани, войдя с 3 драгунскими полками и 400 казаками без всяких предосторожностей в лесистое ущелье, ведущее к бывшей Андреевской крепости (у деревни Эндирей), подвергся нападению горцев, засевших в горах и на деревьях (Военная энциклопедия. 1911. Т. 2. С. 549). Когда жители узнали о выступлении в их сторону 80-тысячного конного войска, то решили, что причина этому – набег эндириевцев в прошлом году на слободы и окрестности русской крепости Терек, за которые теперь эта армия хочет их наказать. Тогда они в отчаянии 23 июля атаковали драгун далеко в степи, стремясь этим не допустить войско до Эндирея, но этим лишь навлекли на себя основные силы конницы со всеми дальнейшими последствиями. П. Наумов тут же поспешил на помощь драгунам. Наверное, своевременные переговоры могли бы предотвратить этот печальный случай, но эндириевцы почему-то не выслали гонцов (видимо, считали, что все и так ясно), а русские и до их атаки имели о главе здешних князей Чопаншамхале самые отрицательные сведения от тарковского шамхала Адиль-Гирея, так что русское командование уже заранее не ожидало от того ничего хорошо (*Магомедов Р.М.*, 1999. Кн. 4. С. 67).

Когда бригадир И.О. Ветерани 23 июля приблизился к деревне, 5000 эндиреевцев, вооруженных стрелами, кинжалами, шашками и ружьями, выбегали со всех сторон из лесу и почти в упор обстреляли россиян. В этот момент войско находилось в самом узком месте дороги и потому оказалось в западне. Застигнутые врасплох императорские войска были в панике и не могли оказать сколько-нибудь серьезного сопротивления наступающим горцам. Бригадир И.О. Ветерани не стал атаковать ближайшие деревни, а стал медлить и обдумывать планы дальнейшей борьбы с восставшими. Вместо того чтобы скорее покинуть опасный участок, он приказал нескольким ротам спешиться и начала обороняться.

Положение горцев было более выгодным. Его подчиненный подполковник Наумов, оставив небольшое число солдат для сдерживания натиска восставших горцев, вместе со своим отрядом, преодолевая сопротивление восставших, пришел в Эндирей. И лишь с большим трудом, потеряв 70 или, по другим данным, 80 драгун убитыми и несколько десятков ранеными, бригадир И.О. Ветерани, быстро сломив сопротивление эндиреевцев, вошел в деревню. 300 местных жителей были убиты на месте, остальные бежали в горы, где русские не могли их преследовать. В деревне, состоявшей из 300 дворов, была взята богатая добыча, а сама деревня сожжена (*Чекулаев Н.Д.*, 2004. С. 64).

Видимо, впоследствии бригадиру И.О. Ветерани удалось оправдаться, потому что из различных источников известно, что он вместе с пехотой всегда командовал передовым войском армии (Деяния... 1789. Ч. 8. С. 230).

После этого бригадир И.О. Ветерани с армией вернулся, а вскоре к ним присоединился и генерал-майор Г.С. Кропотов с драгунами; 10 тыс. донских и малороссийских казаков под командованием атамана И. М. Краснощекова и других старшин прибыли примерно 2 августа; одновременно от хана Аюки прибыли 5 тыс. калмыков 4 августа государь дал указ приставу при них, гвардии поручику Нефеду Кудрявцеву, чтобы тот шел с калмыками к Эндирею и нашел оставшихся эндиреевцев. В августе действительно произошел опустошительный набег калмыков на эндиреевцев. Как обычно, калмыки, не зная меры, отбили у жителей деревни баранов, быков и лошадей, после чего расположились у гребенского Курдюкова городка. Государь пожаловал им 10 тыс. рублей, а еще до выступления в поход они получили «на жалованье и на лошадей» 10 тыс. рублей.

Как и прежде, калмыцкий Аюка-хан не пожалел своего усердия для оказания помощи России в окончательном разгроме «непокорных» горцев. За свое усердие калмыцкому хану, кроме награбленного им у горцев имущества и скота, было пожаловано государем 10 тыс. руб., не считая того, что при организации первого похода против горцев ему также было пожаловано 10 тыс. рублей (*Ахмадов Ш.Б.*, 2002. С. 352).

Эндиреевцы, раскаявшись, прислали к Петру I посланцев, «прося прощения и принося свое подданство, на которое и дали присягу, включив в оное, еще в первый раз, и подданных своих чеченцев». Поэтому государь позволил им пока жить в Эндирее, но не строить укреплений. Никакой данью они обложены не были. Для наблюдения за эндиреевцами бригадиру Шамандину 28 сентября 1722 г. был дан указ расположиться с его корпусом против Эндирея. Вместе с ним должен был быть гвардии поручик Н. Кудрявцев с калмыками (*Бутков П.Г.*, 1869. Ч. 1. С. 22–23, 25).

Поражение И.О. Ветерани живет и поныне в преданиях кумыкского народа, где говорится, что рейтеры Петра Великого были сброшены с кручи сильным натиском чеченцев. Кумыки и в XIX в. показывали это место на обрывистых бере-

гах Акташа. Чтобы наказать за это горские племена, Петр I пригласил калмыцкого хана Аюка вторгнуться за Терек с своими ордами. Ряд курганов поныне обозначается путь, по которому следовали полчища Аюка, а в двух верстах от крепости Внезапной в XIX в. показывали большой насыпной холм, где стояла ставка калмыцкого хана. Внутри одной из котловин Большой Чечни на Мичике в XIX в. были еще остатки укреплений калмыцкого повелителя (*Потто В.А.*, 1887. С. 26–27).

Отзвуки междоусобицы начала века имели место и в событиях 1725 г., когда призыв шамхала Адиль-Гирея выступить совместно против России категорически отверг аксаевский владетель Султан-Махмуд это предложение, а эндиреевский владетель Айдемир сам отказался принять участие в походе на крепость Святого Креста, но послал свои войска к шамхалу (Допрос астраханского посадского... Л. 1 об.).

Таким образом, причинами междоусобицы между кумыкскими феодальными владетелями было стремление занять престол шамхальства Тарковского, которое в тот период в Дагестане считалось крупнейшим среди феодальных владений. В борьбе за обладание Тарками кумыкские владетели привлекали на свою сторону Россию, Иран и Турцию.

БИБЛИОГРАФИЯ

Алиев К., 2006. Шаухалы Тарковские – кумыкская аристократия. Страницы родословной и жизнеописание властителей. Махачкала.

Ахмадов Ш.Б., 2002. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века (Очерки истории социально-экономического развития и общественно-политического устройства Чечни и Ингушетии в XVIII – начале XIX века). Грозный.

Ахмедов Я.З., 2001. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века: Пособие для изучения истории родного края. М.

Бутков П.Г., 1869. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год: в 3-х частях. Ч. 1. СПб.

Военная энциклопедия, 1911 / Под ред. В. Ф. Новицкого. Петербург.

Выписка из донесения кумыцкого посланца Алыпхача Маметова // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 454.

Гаджиев В.Г., 1964. Роль России в истории Дагестана (дооктябрьский период): Дис... канд. ист. наук. Махачкала.

Гаджиев В.Г., 1979. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекою Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М.

Голиков И.И., 1838. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенных по годам. Т. 2. М.

Гусенов М.У., 1996. Шамхальство Тарковское в системе феодальных государственных образований на Северном Кавказе в XVIII – нач. XIX в. Дис... канд. ист. наук. Махачкала.

Деяния Петра Великого, 1789. мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенных по годам. Ч. VIII. СПб.

Допрос астраханского посадского человека Петра Сергеевича Мячкова 14 апреля 1725 г. // Комендант крепости Терки. ГУ «ЦГАРД» Ф. 335. Оп. 1. Д. 29.

Из доношения астраханского губернатора Волынского А. П. в Коллегию иностранных дел 2 сентября 1721 г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 59.

- Лыцзов В.П.*, 1951. Персидский поход Петра I 1722–1723 гг. М.
- Магомедов Р.М.*, 1947. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков. Дис... д-ра ист. наук. Махачкала.
- Магомедов Р.М.*, Магомедов А. Р., 1994. История Дагестана. Махачкала.
- Магомедов Р.М.*, 1999. Даргинцы в дагестанском историческом процессе. Махачкала.
- Мальбахов Б.К., Дзамихов К.Ф.*, 1996. Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством (середина XVI – конец XVIII в.). Нальчик.
- Омаров А.И.*, 2004. Политика России на Северо-Восточном Кавказе в XIX – начале XX века. Махачкала.
- Письмо Петру I кумыкского шамхала Адиль-Гирея / РДО XVII – первой четверти XVIII в. Махачкала.
- Потто В.А.*, 1887. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. – Т. 1. Вып. 1. СПб.
- Просительное письмо-перевод Султан-Махмуда, Чопан-бея и Мусал-бея к Петру I 6 августа 1722 г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 60.
- Сотавов Н.-П.А.*, 2000. Крах «Грозы Вселенной». Махачкала.
- Чекулаев Н.Д.*, 2004. Эндирейский инцидент (по материалам рукописного фонда ИИАЭ ДНЦ РАН) // Региональный вестник молодых ученых. № 1.
- Четыре прошения кумыкского шамхала Адиль-Гирея Петру I 23 января 1721 г. // Русско-Дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв.: (Документы и материалы) / Ред. колл.: М.М. Ихтилов (отв. ред.); сост. Р.Г. Маршаев. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1958. – 336 с.
- Шамхалы Тарковские // 1868. ССКГ. Тифлис.

Тарки .

Рисунок Адама Олеария (сер.XVIIв.).

«Шаухалы. 17 век. После междоусобиц».

Картина засл.худ.РФ А.-З. Мусаева.